

Жданов Сергей Сергеевич

ИДИЛЛИЧЕСКИЙ НЕМЕЦКИЙ ХРОНОТОП В ДОЭМИГРАНТСКОЙ ПОЭЗИИ САШИ ЧЕРНОГО

Статья рассматривает идиллический "немецкий" хронотоп в доэмигрантской поэзии Саши Черного. В основе данного художественного пространства лежит уход из большого сложного в малый ограниченный уютный мир (детства, сада, городка и т.п.). В то же время образ идиллического пространства осложнен мотивами скитаний и смерти, обусловленных чужеродностью русского героя немецкому локусу.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2014/9-1/12.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 9 (39): в 2-х ч. Ч. I. С. 51-55. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2014/9-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

16. Усов Ю. Н. Аудиовизуальное развитие учащихся IX-XI классов // Система аудиовизуального образования учащихся средней школы: сб. ст. / под ред. А. В. Каменец, Е. А. Захаровой. М., 1992. С. 11-15.
17. **Федеральный государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования по направлению подготовки 020100 Химия (квалификация (степень) «Магистр»)** [Электронный ресурс]. URL: <http://www.osu.ru/docs/magistrat/fgos/project/020100m.pdf> (дата обращения: 01.04.2013).
18. Фоломкина С. К. Обучение чтению на иностранном языке в неязыковом вузе: учеб.-метод. пособие. Изд-е 2-е, испр. М.: Высшая школа, 2005. 255 с.
19. Халева И. И. Основы теории обучения пониманию иноязычной речи (подготовка переводчика). М.: Высшая школа, 1989. 236 с.
20. Щукин А. Н. Методика обучения речевому общению на иностранном языке: учеб. пособие. М.: Икар, 2011. 454 с.
21. **Common European Framework of Reference for Languages: Learning, Teaching, Assessment:** Council for Cultural Co-operation Education Committee – Modern Languages Division. Strasbourg: Council of Europe Publishing, 2001. 260 p.
22. Erber N. P. Interaction of Audition and Vision in the Recognition of Oral Speech Stimuli // Journal of Speech and Hearing Research. 1969. Vol. 12. P. 423-425.
23. Fessenden S. A. Levels of Listening // Education. 1955. Vol. 75. P. 288-294.

**LINGUO-DIDACTIC POTENTIAL OF AUDIO VISUALIZATION WHILE USING
POPULAR-SCIENCE VIDEO FILMS IN TEACHING A FOREIGN LANGUAGE
TO THE UNDERGRADUATES OF NON-LINGUISTIC FIELDS OF TRAINING**

Daminova Sofiya Oskarovna, Ph. D. in Chemistry
M. V. Lomonosov Moscow State University
sofiya16s@yahoo.co.uk

The article specifies the term “audio visualization” in the context of teaching a foreign language to the undergraduates of non-linguistic higher school. The paper shows that audio visualization can serve as a basis for developing skills in the various spheres of speech activity. The author reveals the methodological potential of popular-science video films for developing audio-visual skills, describes the possibilities for the formation of communicative competence and its components using authentic video films.

Key words and phrases: teaching a foreign language to non-linguistic students; video film; audio visualization; audiovisual skills; communicative competence.

УДК 821.161.1

Филологические науки

Статья рассматривает идиллический «немецкий» хронотоп в доэмигрантской поэзии Саши Черного. В основе данного художественного пространства лежит уход из большого сложного в малый ограниченный уютный мир (детства, сада, городка и т.п.). В то же время образ идиллического пространства осложнен мотивами скитаний и смерти, обусловленных чужеродностью русского героя немецкому локусу.

Ключевые слова и фразы: Саша Черный; хронотоп; идиллия; ахронность; пространство; немецкий; Германия; локус; сатирический; лирический.

Жданов Сергей Сергеевич, к. филол. н.
Сибирская государственная геодезическая академия
fstud2008@yandex.ru

ИДИЛЛИЧЕСКИЙ НЕМЕЦКИЙ ХРОНОТОП В ДОЭМИГРАНТСКОЙ ПОЭЗИИ САШИ ЧЕРНОГО ©

В творчестве Саши Черного сатирическое начало неотделимо от лирического. Так, Е. А. Афанасьева, рассматривая синтез этих двух начал, утверждает создание поэтом «новой жанровой формы» с различными модификациями [1, с. 51]. С одной стороны, его лирический герой бичует пошлость, подмечая ее практически всюду в общественном бытии. С другой – он ищет хотя бы временного отдохновения от окружающего «темного царства» и обретает столь нужный душевный покой в идиллии, сутью которой является достижение гармонии через уход из большого мира в малый. Цель данной статьи – выявить особенности наименее изученных идиллических стихов поэта, написанных в первый, доэмигрантский, период его жизни в Германии. Напомним, что в Германии поэт слушал курс лекций в Гейдельбергском университете, а также в целом путешествовал по стране. Наряду с желанием художника посетить за границу это путешествие имело и иные, вынужденные причины. Некоторые исследователи указывают, что выбор Гейдельбергского университета в качестве места обучения был обусловлен сложностями при поступлении в высшее учебное заведение в России в силу еврейского происхождения С. Черного. Р. Степанова пишет, что автор едких сатир на власть был бы арестован, «...если бы он вовремя не выехал за границу» [6].

Как пишет М. М. Бахтин, пространственно-идиллический мирок «ограничен и довлеет себе, не связан существенно с другими местами, с остальным миром» [2, с. 374]. Но в стихотворениях С. Черного, написанных им в Германии, идиллия приобретает черты немецкости. Соотнесение маркированного немецкостью пространства (многие из стихов носят пометки «Гейдельберг», «Шварцвальд», «Оденвальд») и образа убежища от жизненных тягот встречается и в письме поэта К. И. Чуковскому, содержащем признание: «...так измотался, что минутами хочется уже никогда ничего не писать, не издаваться... плюнуть на все и открыть кухмистерскую в Швейцарии» [8, с. 6].

Возвращаясь к динамике сатирического и лирического в творчестве С. Черного, отметим, что сатирическое начало в творчестве С. Черного превалирует там, где оценка бытового локуса обывателя идет извне, с точки зрения большого или более «высокого» мира духа. Наоборот, лирическое предполагает наблюдение изнутри, замыкание взгляда наблюдателя в малом мире, своего рода «забывание» о существовании другого пространства. В рамках идиллии сатире неоткуда взяться, так как первая строится по принципам гармонизации, стирания границ и конфликтов, в ней нечего критиковать исходя из нее самой.

Идиллический хронотоп может реализовываться по-разному, например, как природный локус, в котором человеческий мир либо вовсе не присутствует, либо гармонично вписан в пейзаж. Одно из стихотворений Саши Черного так и называется «Идиллия». В этой зарисовке все явления, по сути, равнозначны: ни лесопилку, ни кирпичного святого, ни пасторальных трех пасторских дочек, которые вяжут веночки нельзя назвать центральным элементом данного маленького мирка. Более того, невозможно четко отделить живое от неживого. Это подчеркивается олицетворениями («веселые доски» [7, с. 273], статуя святого «сжимает распяты в сладчайшей тоске» [Там же, с. 274]) и синтаксическим параллелизмом в концовке: «...Несется циклист. / Полошатся утки, / Теленок мычит, / Сквозят незабудки / И солнце горит» [Там же].

Сходный бесконфликтный идиллический локус описывается в стихотворении «Почти перед домом...». Он представляет собой тропинку, ведущую в «зеленые горы» к «покатой и тихой вершине», «высшей точке», «макушке» [Там же, с. 282], где оба определения выступают характеристикой идиллического хронотопа. Вообще, вершины являются ключевыми пунктами в художественной вселенной С. Черного. В полном соответствии с мифопоэтической традицией они выступают местом единения художника. Аналогичный «Парнас» задается пространственно в стихотворении «Два желания», в котором лирический герой хочет «Жить на вершине голый, / Писать простые сонеты... / И брать от людей из дола / Хлеб, вино и котлеты» [Там же, с. 61]. Этот мир, таким образом, структурирует вертикальная ось, где вершина – область сакрального, а находящийся внизу дол – профанного, житейского. В стихотворении «Почти перед домом...» мотив потаенности усиливает описание поросшей деревьями «укрытой низины» [Там же, с. 282], расположенной рядом с вершиной. Да и сама дорога укрыта в крапиве, фиалках и белых кашках. Поднявшись на вершину, лирический герой забывает о большом мире внизу ради созерцания идиллии: «Газета под мышкой – Не знаю, прочту ли хоть строчку» [Там же]. Газета с новостями есть метонимическое воплощение суетного «дола». Кроме того, положение наверху дает новую перспективу видения: «Дома как игрушки...» [Там же]. Образ игрушек можно интерпретировать двояко: с одной стороны, как прием отстранения от профанного мира, а с другой – как смещение созерцателя в мир безмятежного детства (в том же ряду «...солнце играет...» [Там же]). Отголосок мотива «голой вершины», вероятно, проявляется в доступности героя ветру: «И ветер меня продувает...» [Там же].

К натюрморту, объединяющему мотив соединения избытка жизни со смягченным признанием смерти, тяготеет пейзажное описание в стихотворении «Рынок»: свесившие с лотков шеи «бледно-жирные общипанные утки», медленно вянущие в корзинах без воды «груды лилий, васильков и маков», «...Вперемежку рыба, горы раков / Зелен, овощи и сочные плоды» [Там же, с. 246]. Несомненно, перед нами изображение «дола» с его типажными героями-филистерами («Пухлых немок ситцевые глазки») и прочими маркерами профанного пространства («...В центре площади какой-то вождь чугунный / Мирно дремлет на раскормленном коне») [Там же]. Но в то же время это «дол» идиллически поэтизированный, а не сатирически осмеянный. Данный локус маркируется уютом, покоем («мирно дремлет», «спокойствие размеренных речей») [Там же]. Кроме того, здесь присутствует вертикальная ось, задающая связь с вершиной: «Вырастает говор многострунный / И дрожит в нагретой вышине» [Там же]. Сакральный верх многослоен: в стихотворении «Почти перед домом...» следующий за горной вершиной ярус представляют плывущие в небе «золотые барашки» [Там же, с. 282], а в пространстве стихотворения «Рынок» по небу мчатся «золотые перья облаков» [Там же, с. 246].

Другой вариант идиллического хронотопа представлен в стихотворении «Остров». В самом названии задается мотив отграниченного локуса, окруженного бескрайним хаотическим пространством. В стихотворении таким «островом» выступает лесная харчевня, «окруженная лесной тишиной» [Там же, с. 276]. Тишина здесь – атрибут внешнего лесного пространства, хаотического по своей природе. Мотив его враждебности усиливается временной характеристикой: ночь в символическом смысле – пора нежити, опасности, смерти. Это становится тем яснее, если сравнить данный локус с художественным пространством предыдущего произведения, которое освещено ярким светом полуденного солнца. Темнота ночи противопоставит визуальности, уничтожает черты знакомого мира и таким образом делает хронотоп неудобным, непригодным для жизни человеческих существ. Кроме темноты, свойствами внешнего пространства выступают ненастье («дождливая ночь») и «испут» (ночной лес – локус страха) [Там же].

Напротив, внутреннее пространство (харчевня) характеризуется теплом и уютом («...Было тепло и уютно» [Там же], «Чугунная печь покраснела...» [Там же, с. 277]), небольшими размерами («низкий зал» [Там же, с. 276]), заполненностью людьми («...Гостей насилу вмещал», «Как много людей вокруг!» [Там же, с. 277]) по контрасту с темной пустотой за границами локуса.

Идиллия тесно связана с образом сплоченного человеческого коллектива, как правило, семьей. В данном случае заменой семейным поколениям выступает компания, набившаяся в лесную харчевню («...И зал превращался в деревню» [Там же]), т.е. харчевня становится, по сути, родовым пространством, а его переполненность здесь означает наполненность жизнью. Идиллический хронотоп ахронен по своей природе: прошлое, настоящее и будущее слиты в нем воедино. В рамках данного локуса мифопоэтическое пра-время никуда не ушло. Поэтому не стоит удивляться, что в «стареньком зале» с «печкой-старушкой» заправляет «хозяйка-карга» в окружении «служанок с походкою гибкой» [Там же, с. 276]. «Старость» в данном контексте обозначает не ветхость, смертность, а является маркером ахронности (пра-времени в настоящем). Взамен испугу внешнего локуса здесь царит дружелюбие («субботная улыбка» хозяйки [Там же]) и застольное единение («Толпа гудела и пела...» [Там же, с. 277]). Мотив совместного питания («вспененные кружки», «Я пил янтарное пиво» [Там же, с. 276]) также подчеркивает идиллический характер хронотопа. Как указывает М. М. Бахтин, «еда и питье носят в идиллии или общественный характер, или... семейный... за едой сходятся поколения, возраста» [2, с. 376].

Внешнее стихийное пространство не в силах проникнуть внутрь, нарушить идиллию: «В окошко стучалась слезливо / Дождливая ночь...» [7, с. 276]. Попутно отметим, что в соответствии с мифопоэтической логикой ночь как стихия одушевлена, она стучится и плачет в одиночестве за границами человеческого локуса. При этом важно, что пространственная непроницаемость внутреннего локуса для сил холода и мрака одновременно сочетается с доступностью локуса для людей: «...И хлопала дверь поминутно» [Там же]. В итоге лирический герой осознает, что со-бытие в рамках данного уютного хронотопа и есть счастье («Как мало нужно для счастья – / Уйти от ночного ненастья / И попасть в лесную харчевню!» [Там же, с. 277]).

Как видим, наряду с идиллическими мотивами в творчестве С. Черного присутствует тема смерти. В связи с этим вполне закономерно элегическое описание амбивалентного кладбищенского локуса в стихотворении «В Тироле». Здесь нет, как в «Острове», разграничения на два мира – жизни и смерти. Жизнь и смерть переплетаются друг с другом, и неумолимость смерти отступает. Первая строчка стиха «Над кладбищенской оградой вьются осы...» [Там же, с. 307] как раз фиксирует момент стирания границ («над оградой»). С одной стороны, мотив смерти смягчается. Она превращается в сон: «Крепко спят под мшистыми камнями / Кости местных честных мясников»; в том же ряду обращение к мертвой: «Вы не слышите? Вы спите?» [Там же]. С другой стороны, мотив смерти облагораживает, возвышает людскую жизнь, которая часто подвергается насмешке во многих произведениях С. Черного. «Честные мясники» и прочие «живые» с их «чванной выдумкой» – не эти ли филистеры выступают объектами сатиры поэта? Но то, что имеет силу для профанного пространства, совершенно не действует в рамках кладбищенского хронотопа: «Не смеюсь над вздором эпитафий...» [Там же].

Более того, лирический герой парадоксальным образом ощущает родство с окружающими его мертвецами в гораздо большей степени, чем пушкинский гробовщик: «...старух с поблекших фотографий / Принимаю в сердце, как своих»; «Я, как друг, сижу...» [Там же]. Таким образом, в перевернутой форме реализуется мотив семейной идиллии. Немцы-мертвецы становятся своими для живого-иностранца. Кроме того, данное идиллическое пространство имеет черты закрытости: кладбище находится на высоте («Далеко внизу бурлит река» [Там же], «Здесь в горах...» [Там же, с. 308]), ограничено («По бокам – зеленые откосы» [Там же, с. 307]) и выполняет функцию убежища («Я... сижу укрыт ветвями...» [Там же]). По сути, это тот же метафорический остров. Тема укрытости-единения усиливается элегическими мечтаниями героя о традиционных для жанра элегии несбыточных отношениях с умершей девушкой: «Я укрыл бы вас плащом, как тойгой...» [Там же, с. 308]. Кладбище становится приютом для скитальца, «кочующего поэта» [Там же].

Мотив неприютности и странничества человека искусства проявляется и в стихотворении «Хмель»: «...Безработным менестрелем, / Я слоняюсь, я шатаюсь, / Я бесцельно улыбаюсь...» [Там же, с. 282]. Здесь идиллический хронотоп немецкого дома закрыт для лирического героя. Он не может проникнуть за ограду, увитую темными листьями винограда. На сакральность и желанность данного пространства указывает стоящая перед оградой статуя, «опоясанная хмелем» Божьей Матери как утешительницы-защитницы [Там же, с. 281]. Сам неприютный лирический герой мечтает попасть внутрь, завладеть этим убежищем: «...Что бы этот дом прекрасный подарить мне навсегда!» [Там же]. В то же время полная закрытость домашнего пространства, его незаселенность обуславливает возникновение мотива смерти, запустения, которым затронут локус: «Облупилась колоннада. Старый дом уныл и пуст. / Бог Нептун в ужасных ранах...» [Там же].

В рамках пространственных описаний в стихотворении, однако, мы имеем дело с двумя видами хронотопа. Первый – это идиллический сакральный маленький мир с периферией, где бродит герой (мотив дороги как кружения усилен итоговой строчкой: «И кружится под ногами прибрежное шоссе» [Там же, с. 282] – отметим также подчеркнутое значение пограничности в связи с эпитетом «прибрежное»). Второй вид – это сатирический профанный большой мир Германии, воплощенный в образе Берлина как своего рода синекдохи. Там обитают филистеры – хозяева дома, которые им не пользуются, оставляют его в запустении. Их лирический герой называет «свиньями» и «каплунами»: «Свиньи! Где-нибудь в Берлине, / В серо-каменной твердыне, / На тюках из ассигнаций / Вы сидите каплунами безотлучные года...» [Там же, с. 281]. Наряду с сатирическим снижением образа через сравнение с животными обозначение хозяев дома как каплунов, т.е. специально откормленных кастрированных петухов, несет в себе значимую коннотацию. Владельцы в мифопоэтическом смысле выступают не хозяевами, а хранителями сокровища. Так же, как Кощей чахнет над золотом, они сидят на тюках с деньгами. Так же, как «ложный» жених Кощей, воплощение смерти, похищает девушку, но не может породить с ней потомства, владельцы дома не способны наполнить его жизнью. Так же, как царство Кощей отдалено от места жительства добра молодца, отдален и Берлин. Сказочно-гротескно само жилище этих «ложных» хозяев («серо-каменная твердыня»), воплощающее пространство нежизни в противоположность «подлинному», природному локусу дома.

Это же смещение в сказку нам встречается и в стихотворении «Остров», в котором старая карга-хозяйка чем-то неуловимо напоминает Бабу Ягу или сходных персонажей из книги братьев Grimm. Сходный прием используется С. Черным в гейдельбергской зарисовке «Узкий палисадник». В названии заключается то же описание локального уютного немецкого хронотопа. Пространственные характеристики подчеркиваются через значение прилагательных и уменьшительно-ласкательных суффиксов существительных: «узкий палисадник», «низкие окошки», «дорожки», «домик», «дворик», «заборик», «садик метра в два», «березка», «крошечный рассадник» [Там же, с. 282]. Это, как и в стихотворении «Идиллия», солнечное, летнее, полуденное пространство тепла и света: «...зноен день в июле...» [Там же]. Вполне в духе бидермейера изображен хозяин этого пространства – спящий на стуле старик в лиловом колпаке и с трубкой в опущенной руке. Фигурки садовых гномов дополняют «сказочный» пейзаж: «Карлики стоят на выкрашенных тумбах...» [Там же]. Отметим, что в соответствии с остраенной логикой неживые фигурки смещаются в область живого. Они напрямую не названы статуэтками, а, наоборот, глагол «стоят» вполне может быть отнесен и к живому существу. Точно так же в стихотворении «Хмель» просто указывается, что «перед оградой Божья Матерь...» [Там же], а вовсе не статуя. В синкретичном мире сказки и, соответственно, мире детства граница между живым и неживым чрезвычайно размыта. Наблюдаемое двойится, как и в случае романтического двоения, и в результате под влиянием увиденного лирический герой начинает сомневаться, находится он в реальности или онирическом забытии: «Сказка или правда?» [Там же]. Ответ на это также не дает на деле решения проблемы, поскольку мы не знаем его источника. Голос кого-то невидимого герою-повествователю (и читателям) со смехом произносит: «Сказка Андерсена!» [Там же].

Отметим фактически полностью идиллический характер этого хронотопа, который почти полностью поглощает героя-наблюдателя, пытающегося освободиться от наваждения лишь в конце через неудавшуюся попытку рефлексии. Маленький автономный мирок поэтизируется и включает в себя множество «природных» черт: лозы, шмели, розы на клумбах, стог сена и т.д. Кроме того, локус предельно статичен благодаря своей идиллической ахронности, в нем ничего не меняется. С. Черный использует назывные предложения и всячески избегает употребления глаголов движения, даже шмели в этом застывшем идеальном мире не летают, а «распевают» [Там же].

Еще одним вариантом идиллического хронотопа является попытка вернуться в мир детства, представленная в стихотворении «С приятелем». Здесь лирический герой, русский, гуляет с немецким мальчишкой по имени Фриц. Это вполне обычный ребенок без всяких черт идеализации. Описание его внешности отсылает нас к портрету типажного немца: «Ты маленький немец, / Шепелявый и толстый мальчишка» [Там же, с. 245]. Мать Фрица также вполне типажная немка: «...вяжет под грушей гамаша» [Там же, с. 246]. В самом определении «маленький немец» задан предел развития образа: сейчас он маленький, потом станет большим, но при этом останется немцем. Более того, выросший Фриц превратится в того филистера, который часто высмеивается С. Черным: «Ты будешь большим. / Солидным и толстым купцом, / Счастливым отцом ... / Нового Фрица...» [Там же, с. 245]. Эта редупликация Фрицев есть характерное свойство идиллического ахронного пространства. Как пишет Ю. М. Лотман, в ахронном мире «...ничего не происходит. Все действия отнесены не к прошедшему и настоящему времени, а представляют собой многократное повторение одного и того же...» [5, с. 428]. В отношении типажных немцев мотив повторяемости поколений встречается весьма часто. В качестве примера можно привести формулу из романа Ф. М. Достоевского «Игрок»: «Фатер... мораль читает и умирает. Старший превращается сам в добродетельного фатера, и начинается опять та же история» [3, с. 226].

Но идиллический хронотоп нацелен на объединение, а не разъединение входящих в него. Если в стихотворении «В Тироле» языковой барьер и вообще чужеродность русского героя в немецком пространстве снимается за счет того, что он общается с мертвецами, то в произведении «С приятелем» эти гетерогенность и коммуникативная пропасть преодолеваются столь же парадоксально благодаря отказу от вербального общения: «...я иноземец – / Слов твоих мне не понять. / Будем молча гулять... <...> без слов мы скорей / Поим друг друга...» [7, с. 245]. Идиллический детский хронотоп настолько прост, безмятежен и самодостаточен, что не требует слов, рассчитан на созерцательное со-бытие людей: «Вон елка, мак и порей. / Вон пчелка полезла под кисть винограда...Чего еще надо?» [Там же]. Более того, люди в его рамках возвращаются в синкретическое пра-время, теряют национальную принадлежность, личностную индивидуальность и даже стирают границу между человеком и животным: «А мы – мы пара ленивых зверей» [Там же]. К слову, ситуация очень напоминает эпизод из «Алисы в Стране Чудес» в волшебном лесу, где все животные и люди взаимоподобляются, забывая свои имена, поэтому Олененок не боится Человека. Знаменателен также эпитет «ленивые». Это знак идиллического хронотопа, чуждого суете и тревогам большого мира. Здесь один момент плавно перетекает в другой, и, следовательно, нет потребности куда-то спешить, можно побыть ленивым зверем, будто Адам в Райском саду до грехопадения, т.е. в эпоху детства человечества. Для сравнения приведем употребление этого слова в других идиллических хронотопах в творчестве С. Черного: «Зеленые кадки и пыльные лавры / ...кружатся в ленивых глазах» [Там же, с. 173] («Улица в южно-немецком городе»); «Мягко и лениво / Смеется в небе белый хоровод...» [Там же, с. 240] («Как францы гуляют»); «...И мысли в ленивом мозгу / За гулкой волной убегают» [Там же, с. 278] («Грохочет вода о пороги...»); «...в небе лениво / Плывут золотые барашки» [Там же, с. 282] («Почти перед домом...»).

Отметим, что идиллический хронотоп в стихотворении «С приятелем» является солнечным, дневным, как часто у С. Черного. Но временное единство немецкого мальчишки и взрослого из России распадается вечером. Взрослый не может навсегда остаться в детском мире. В стихотворении же С. Черного Фриц засыпает, и лирический герой собирается отнести его мамаше, вновь оставаясь в одиночестве: «...А я погуляю один» [Там же].

Таким образом, идиллическое пространство в творчестве поэта проявляет довольно часто черты непрочности. Оно осложнено темой одиночества, что входит в противоречие с коллективным по природе началом подобного хронотопа. Вообще, тема разрушения идиллического пространства, по М. М. Бахтину, разрабатывалась широко уже в литературе XIX века: «обречённый на гибель мирок» идиллии противопоставлялся «большому абстрактному миру», «где люди разобщены, эгоистически замкнуты... Этот большой мир нужно собрать на новой основе, нужно сделать его родным...» [2, с. 382].

Тема одиночества, в том числе публичного, занимает, как мы уже убедились на анализируемом материале, весьма важное место в творчестве С. Черного. В той или иной степени это одиночество являлось проекцией позиции самого поэта, который, по характеристике А. И. Куприна, среди собратьев по перу стоял «совершенно особняком, в гордом, равнодушном и немного презрительном одиночестве» [4]. Лирический герой Саши Черного часто ищет восстановления утерянной идиллической общности в парадоксальных местах – на чужбине, как здесь показано, в маркированном немецкостью пространстве: «И у странника чужого / Сердце тянется к чужим» [7, с. 278] («Предместье»). Это обретение общности, однако, никогда не бывает полным.

Итак, творчество Саши Черного весьма разнопланово. Он выступает не только как сатирик, но и как тонкий лирик, в том числе поэт идиллического пространства. Это маленький замкнутый уютный локус, который пронизан мотивами природы, детства и сказки. Идиллический хронотоп ахронен: движение в нем либо отсутствует (тогда мы имеем дело с пейзажной зарисовкой, сходной с картиной), либо представляет собой повторяющийся цикл. Кроме того, данный локус связан зачастую с дневным временем, со светом солнца, теплом, жаром. Как правило, идиллическое пространство в стихах С. Черного организовано вертикально: значимым является противопоставление сакрального верха и профанного низа. Иногда идиллия выстраивается горизонтально, исходя из отношений «центр – периферия». В этом случае автономный внутренний хронотоп отграничен от внешнего, враждебного и стихийного, хронотопа. Следует также отметить, что первый тип локуса выступает как пространство жизни, связанное с мотивом объединения человеческого коллектива. Витальность идиллического хронотопа переходит на включенные в него объекты неживой природы, одушевляя их. Таким образом, можно говорить об определенной степени мифопоэтического синкретизма человеческого, животного и предметного начал в рамках такого пространства. В то же время идиллия в ряде стихотворений проявляет тенденцию к разрушению, обладает амбивалентными чертами, связанными с мотивами смерти, одиночества, скитаний, чужбины.

Стоит подчеркнуть и особенность взгляда поэта на описываемый «немецкий» мир. Если до С. Черного за Германией в русской литературной традиции закрепился образ страны либо «туманной», романтической, либо чисто обывательской, филистерской, то художник сумел найти некий третий путь, представив в ряде произведений бытовой локус в поэтизированном виде, вызывающем не насмешку над ограниченностью немецкого пространства и его обитателей, а сопереживание, желание сблизиться с ним.

Немецкая идиллия с ее уютом, наполненностью жизнью, с одной стороны, тянет к себе поэта. С другой – это пространство чужое и отграниченное: идиллический хронотоп немецкого дома закрыт для русского лирического героя. Он ощущает себя скитальцем, кочующим поэтом, и это ощущение усиливается незнанием языка чужбины, на которой коммуникативная пропасть преодолевается отказом от вербального общения только в мире детства, а в мире взрослых более притягателен мир кладбища. Для живого поэта-иностранца становятся своими только немцы-мертвецы. Он тоскует по обществу людей, коллективу, но на чужбине мир этот закрыт для него. Таким образом, немецкая идиллия у С. Черного осложнена мотивами смерти и скитаний, связанными с образом лирического героя. Роль последнего амбивалентна: он одновременно и бежит из большого мира в малое уютное пространство, ища покоя и тихой красоты убежища, и приоткрывает эту внутреннюю идиллию для внешнего локуса.

Список литературы

1. **Афанасьева Е. А.** Сатира и лирика как предмет рефлексии Саши Черного // Вестник Оренбургского государственного университета. 2010. № 11 (117). С. 51-55.
2. **Бахтин М. М.** Вопросы литературы и эстетики исследования разных лет. М.: Художественная литература, 1975. 504 с.
3. **Достоевский Ф. М.** Полн. собр. соч.: в 30-ти т. Л.: Наука, 1973. Т. 5. 406 с.
4. **Куприн А. И.** О Саше Черном [Электронный ресурс]. URL: <http://kuprin.lit-info.ru/kuprin/proza/o-sashe-chernom.htm> (дата обращения: 05.02.2014).
5. **Лотман Ю. М.** Избр. статьи: в 3-х т. Таллин: Александра, 1992. Т. 1. Статьи по семиотике и типологии культуры. 478 с.
6. **Степанова Р.** Обманчивый псевдоним Саши Черного [Электронный ресурс] // Журнальный зал: русский толстый журнал как эстетический феномен. URL: <http://magazines.russ.ru/slovo/2006/52/st20.html> (дата обращения: 05.02.2014).
7. **Черный С.** Сатиры и лирики. Стихотворения. 1905-1916 // Черный С. Собр. соч.: в 5-ти т. М.: Эллис Лак, 1996. Т. 1. 464 с.
8. **Чуковский К. И.** Саша Черный // Черный С. Стихотворения. СПб.: Петербургский писатель, 1996. С. 5-26.

IDYLLIC GERMAN CHRONOTOPE IN THE PRE-EMIGRANT POETRY BY SASHA CHORNY

Zhdanov Sergei Sergeevich, Ph. D. in Philology
Siberian State Geodesic Academy
fstud2008@yandex.ru

The article considers an idyllic –German’ chronotope in the pre-emigrant poetry by Sasha Chorny. The escape from the big and complicated world into the small restricted cosy one (of childhood, garden, small town, etc.) is a basis of this artistic space. At the same time an image of idyllic space is complicated by the motives of wanderings and death conditioned by a foreignness of a Russian character to the German locus.

Key words and phrases: Sasha Chorny; chronotope; idyll; achronism; space; German; Germany; locus; satirical; lyric.